

АМИНА ВОЛКОВА

РАЗВОД с предателем.

ТЕПЕРЬ ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ВРАГ
МОЙ ПРОДЮСЕР!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Амина Волкова

**Развод с предателем. Теперь
твой главный враг мой продюсер!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Теперь твой главный враг мой продюсер! /
А. Волкова — «Автор», 2026

На юбилее музыкального лейбла муж выключил мой микрофон. А затем вывел на сцену любовницу — петь песню, которую я написала после потери ребёнка.— Твой голос больше ничего не стоит, Алина. Подписывай отказ от авторских прав! Я отказалась. Глеб заблокировал счета, опустошил квартиру и сделал всё, чтобы друзья боялись даже открыть мне дверь. Когда я почти замёрзла на улице, появился Виктор Дорн — медиамагнат и главный враг мужа. Он обещал вернуть мои песни, сцену и имя. Но за помощь потребовал подчинения своим правилам. Неужели ради свободы мне придётся снова отдать свой голос мужчине? И кто услышит меня, если я откажусь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Амина Волкова

Развод с предателем. Теперь твой главный враг мой продюсер!

Глава 1

За стеной гудел зал «Крокуса». Аплодисменты накатывали, обрывались, накатывали снова; по ним я обычно угадывала, сколько осталось до моего выхода. Сегодня угадывать было нечего. В сет-листе моей фамилии не было. Я прижалась затылком к холодной стене и выдохнула через рот, как перед трудной нотой. Парфюм проходивших артисток перебивал запах перегретых ламп. Лейблу Глеба Сорокина исполнялось двадцать лет. Я знала, сколько вечеров из этих двадцати лет мы встречали в студии. Сейчас на сцену выпускали всех, кроме меня.

До гримёрки оставалось несколько шагов. Там Глебу пришлось бы ответить, почему меня вычеркнули из сет-листа. Я направилась к двери, но охранник, здоровый лоб с шеей быка, перекрыл путь плечом.

— Мисс Ветрова сегодня отдыхает, — пророкотал он, даже не глядя мне в глаза. — Приказ шефа.

Я достала из кармана старого пальто пропуск продюсера. На пластике потёрлась полоска; большой палец привычно лёг поперёк неё. Пять лет назад Глеб вручил мне этот пропуск со словами: «Ты теперь часть семьи». Сегодня охранник даже не собирался его проверять.

— Пропуск действителен до полуночи, — холодно сказала я, сунув карту ему под нос. — Пусти.

Он хмыкнул, но отступил на полшага. Он знал: скандал здесь, перед камерами папарацци, расставленными по всему периметру зала, никому не нужен. Даже Глебу.

В коридоре толпились артисты. И там была она. Марина Ковалевская. Новая звезда лейбла, наглая блондинка с идеальными зубами и голосом, которым она еще вчера пыталась подражать мне. Она крутилась перед зеркалом, примеряя моё изумрудное платье. Я шила его для этого вечера полгода назад и сразу узнала линию выреза, которую выбирала для себя. На Марине лиф сидел плотно, ткань подчёркивала грудь. Я свела плечи, пряча свою под пальто, и тут же разозлилась: после выкидыша я и так не могла без злости смотреть на собственное тело. Теперь ещё сравнивала себя с ней.

Марина заметила меня в отражении. Улыбнулась уголками губ.

— Ой, Алиночка! Ты видела? Это же твой вкус? Такой... старомодный, — она кокетливо поправила лиф, и ткань натянулась. Затем развернулась и толкнула меня плечом. Не сильно, но расчетливо. Чтобы я покачнулась.

У окна щёлкнули камеры. Марина толкнула меня именно там, где фотографам не мешали спины артистов. Им нужен был следующий кадр: мой открытый рот, замах, слёзы. Я уже видела заголовок про сумасшедшую жену. А её плечо, которое только что ударило меня, осталось бы за краем снимка.

Я выпрямилась и расправила ворот пальто. Пусть снимают спину. Только дойдя до поворота, разжала кулаки: на ладонях остались четыре красные вмятины. Хотелось вернуться и потребовать платье прямо на ней. Вместо этого я пошла к Глебу — за ответом, который он должен был дать мне сам.

Дверь в VIP-гримерку Глеба была приоткрыта. Внутри пахло спиртом и ментолом. Глеб сидел перед зеркалом, сбривая пену с подбородка. Провёл бритвой, снова приложил её к коже. У него оставалось время готовить лицо к крупному плану, пока я торчала в коридоре.

— Почему меня нет в списке?

В зеркале я встретила с его глазами. Хоть бы отложил бритву. Хоть бы повернулся, раз уж вычеркнул меня из программы нашего вечера. Глеб провёл лезвием под подбородком, разглядывая выбритую полоску кожи. Я ждала, удерживая его взгляд в зеркале; он спокойно брился дальше.

— Потому что твой голос больше не стоит денег, Алина. Бренд требует свежей крови. А ты... ты потухла. Как свеча в ветреную ночь.

На столе лежал контракт. Открытый. На последней странице красовался пункт о передаче авторских прав на все композиции периода 2018–2023 годов. Подпись уже была проставлена. Не моя. Его.

Я рванула бумагу на себя.

Глеб перехватил моё запястье, прежде чем я успела поднять контракт со стола. Сжал так, что боль дошла до локтя. Я потянула руку на себя — пальцы сдавили ещё сильнее. Он наклонился к моей щеке. По-прежнему говорил тихо; через открытую дверь никто бы не услышал, что здесь происходит.

— Подпиши отказную, — прошептал он. — Или я засуну тебя в дурку по статье 159 УК РФ. Мошенничество с авторскими правами. У меня есть свидетели, готовые подтвердить, что ты психически нестабильна после потери ребенка. Тебе ведь это знакомо, правда? Быть никем.

Он отпустил мою руку, будто бросал мусор.

— Выбор за тобой. Тишина или тюрьма.

Я вышла из гримерки, чувствуя, как дрожат колени. Свет погас. Зал взорвался аплодисментами. Меня вызвали на сцену.

На лестнице я придержала перила больной рукой. Из зала доносились крики, и среди них мне мерещилось собственное имя. Позвали же. Значит, дадут микрофон. Я цеплялась за это, хотя запястье ещё болело от его пальцев: сейчас спою «Тихий ад», и всё встанет на место. Эту песню я писала ночами, после того как выплакивалась в подушку по ребёнку, которого не родила. Кто ещё мог её спеть?

Свет прожектора ослепил меня. Зал замолчал. Я подошла к стойке с микрофоном. Дотронулась до металла. Холодного. Мертвого.

На большом экране за моей спиной появилась надпись. Белые буквы на черном фоне:

«ТИХИЙ АД» Автор: Глеб Сорокин Исполнитель: Марина Ковалевская

Зал загудел. Кто-то присвистнул. Потом раздался смех. Нервный, ожидающий.

Музыканты начали играть интро. Я набрала воздуха на знакомых аккордах — перебирала их на гитаре, сидя на полу кухни, пока Глеб спал рядом. Губы уже приготовились к первому слову.

Микрофон не работал. Собственный вдох я услышала только в ушах; из колонок шла музыка. Я приблизилась к сетке, попробовала ещё раз. Ни звука.

Из бокового прохода вышла Марина. Она взяла микрофон из рук технического директора, небрежно коснулась моей щеки губами, изображая дружеский жест, и шагнула к краю сцены.

Она открыла рот.

Её голос был хриплым, низким, чужим. Она фальшивила на первой ноте, потом исправились, добавляя томности. Толпа начала хлопать в ритм. Медленно. Вязко.

Мне пришлось убрать руку с мёртвой микрофонной стойки: я всё ещё держалась за неё, будто могла включить звук пальцами. С краю сцены Марина тянула мою строку, меняя дыхание не там, где нужно. Я знала, на каком слове ей не хватит воздуха. Она пропустила слово — и получила аплодисменты.

Свет всё ещё бил мне в лицо. Зачем оставлять меня здесь? Чтобы я сама слышала, как легко они обошлись без меня.

Где-то в третьем ряду кто-то крикнул: «Где Алина?!»

Но этот голос утонул в музыке.

Марина обернулась ко мне от края сцены. Её глаза блеснули триумфом. Она улыбалась.

Я сорвала с ушей серьги. Единственное украшение, купленное на свои деньги, заработанные уроками вокала, которые я давала тайком от Глеба. Серебро, тяжелое, дорогое.

Я швырнула их к подножию микрофонной стойки.

Серьги ударились о стойку. Резкий металлический звон я услышала даже сквозь музыку. В первых рядах заметили мой жест; головы повернулись ко мне.

Но музыка снова набрала громкость. Марина затянула припев. Аплодисменты возобновились, громче прежнего. У ближайшего к сцене фотографа камера уже была направлена на меня. Теперь у Глеба будет снимок. Не песня, не выключенный микрофон — только я, швыряющая серьги под ноги.

После концерта VIP-зона была наполнена дымом сигар и запахом шампанского. Глеб нашел меня у барной стойки. Он держал бокал в руке, уверенный, победительный.

Протянул мне второй. И лист бумаги. Ручку.

— Отказная, — сказал он. — Прямо сейчас. Полиция уже получила анонимку о твоём неадекватном поведении на сцене. Если подпишешь — забудем. Если нет — завтра проснешься без квартиры и с повесткой.

В бокале поднимались пузырьки. Это было шампанское, которое мы любили пить вместе. Даже сейчас выбрал его. Я смотрела на край стекла и хотела оттолкнуть бокал; боялась только, что он выскользнет из пальцев и к снимкам со сцены добавится ещё один.

Руки дрожали. Я сжала их в кулаки, чтобы скрыть тряску.

— Я не буду это подписывать, — мой голос звучал тихо, но четко.

Глеб усмехнулся и чуть отвлёл бокал, чтобы я его не задела. Мне вспомнилось, как он раньше улыбался над его краем, поджидая моего тоста. Сейчас он ждал, когда я начну торговаться.

— Жаль. Тогда готовься к зиме, Алина.

Глава 2

Я уехала домой на такси. Таксист поглядывал на меня в зеркало и молчал. Хорошо, что не спрашивал: от любого «что случилось?» я бы расплакалась. Я считала фонари за окном, лишь бы не вспоминать, как Марина открывала рот под мою музыку.

Квартира. Наша квартира. Та, которую мы купили на мои первые крупные гонорары и его инвестиции.

Дверь была открыта.

Внутри пусто. Не просто чисто. Пусто. Исчезла почти вся мебель. Исчезли книги. Исчезла одежда. Остались только стены и запах пыли.

На кухонном столе, где раньше стояла ваза с орхидеями, лежал мой телефон. Экран светился уведомлением от банка: «Счета заморожены по решению суда. Причина: подозрение в отмывании средств.»

Рядом — записка, написанная его почерком: «Ты сама выбрала тишину».

Я упала на колени. Кафель был ледяным. Холод проник сквозь ткань платья, в кости, в душу.

До этого я ещё спорила с ним так, будто завтра будет обычное утро. Сейчас передо мной стоял последний стол в квартире, а на нём — телефон и его записка. Он не ждал моей подписи. Всё было вывезено, пока я стояла на сцене.

В голове щелкнуло, как замок. Воспоминания всплыли одно за другим. Выкидыш. Депрессия. Изоляция от друзей. «Тебе нужна помощь, Алина, я лучше знаю». Контроль над счетами. Контроль над контактами. Контроль над каждым шагом.

Каждый раз он находил ласковое объяснение. Не звони Кате, она тебя расстраивает. Не трогай счета, я сам разберусь. Отложи песню, у тебя сейчас плохой период. Я уступала по одному маленькому поводу. Теперь даже мои собственные деньги казались вещью, которую у него нужно попросить.

Я прочитала записку ещё раз. «Ты сама выбрала». Он оставил мне именно эти слова. Чтобы, сидя на полу, я продолжала оправдываться перед ним.

Я сидела на полу, обхватив себя руками. Без мебели в квартире каждый шорох слышался слишком отчётливо; стоило пошевелиться, и ткань шуршала по кафелю. Я сжала плечи крепче, пытаясь остановить дрожь. Мне даже спрятаться здесь было не за чем.

Телефон на столе ожил. Экран показал входящий звонок.

Номер Виктора. На дисплее высветилось имя, которое я сохранила после одной из лейбловых встреч: ВИКТОР.

Я не ответила сразу. Палец завис над кнопкой.

Звонок оборвался и почти сразу начался снова. Я вытерла ладонь о платье. Виктор не дал мне времени решить, хочу ли я с ним говорить.

Я взяла трубку.

— Не вешай трубку, Алина, — низкий голос из динамика заставил меня задержать палец у экрана. Виктор Дорн. Я узнала его и села прямее, хотя он не мог меня видеть. Владелец медиа-холдинга; на лейбловой встрече перед ним улыбались даже те, кого остальные боялись перебить. — Я слышал, как ты плакала в микрофон. Точнее, как ты молчала, когда должна была кричать.

Я прикрыла глаза и прижала телефон крепче. Виктор слышал мой провал. Может быть, сидел в зале и тоже смотрел на Марину. Но он позвонил мне, а не ей. Хотелось спросить зачем; получилось только вдохнуть носом. Горло болело, хотя за весь вечер я не спела ни ноты.

— У нас есть дело, — добавил он. — И оно касается твоего бывшего мужа.

Под куртку задувало, и я прижала локти к бокам: застегнуть её плотнее уже не получалось. Утром, после возвращения Глеба, я стояла перед дверью Кати, сжимая в пальцах ключи от квартиры, которые мне не отдали, а вышвырнули вместе с сумкой на лестничную площадку. В горле стоял ком из слюны и крови — я прикусила язык, когда Глеб толкнул меня в спину.

— Открой, Катя, — прошептала я у двери. Прикус на языке мешал говорить. Я сглотнула и придвинулась губами к щели, чтобы она услышала.

За дверью был слышен шепот. Мужской, торопливый, сдавленный. Щёлкнул засов. Я отняла пальцы от двери: они только что заперлись от меня, я слышала.

— Алин, ты не понимаешь... — Катя говорила тихо, и мне пришлось прижаться ухом к двери, чтобы не пропустить ни слова. — Глеб сказал, если ты здесь, мы звоним в полицию. За клевету. За вторжение. У нас ребенок, он боится...

— Он боится? — я усмехнулась, и смех вышел хриплым карканьем. — Мы с тобой двадцать лет дружим, Катя. Я была у тебя на родах. Я пела колыбельные твоему сыну, пока он орал в три часа ночи. А теперь я «опасный элемент»?

— Ты сумасшедшая, Алина! — вдруг крикнула она, и в её голосе прорезалась истерика. — Глеб показал видео, где ты ругаешься матом на продюсеров, где ты плачешь и угрожаешь убить Марину. Это правда? Ты угрожала ей?

Я прислонила лоб к двери. Катя спрашивала про угрозы Марине, и мне пришлось удерживать язык зубами, чтобы не заорать. Какая запись? Когда? Я стояла перед той самой женщиной, которой годами можно было сказать «мне плохо» без объяснений. Теперь требовалось доказать, что я имею право хотя бы на её порог.

Дверь открылась на цепочке. Из щели выпал пакет. Тяжелый, мокрый от конденсата. Мои вещи: платье, туфли, косметичка. Всё то, что я забыла здесь месяц назад. Пакет шлепнулся на кафель подъезда, разбрызгивая грязную воду.

— Уходи, — проскрипела Катя. — И не звони больше. Муж говорит, они могут прийти за нами в любой момент. Сорокин не шутит.

Дверь захлопнулась, цепочка звякнула. Я ещё прислушивалась: вдруг Катя ответит мужу, что так нельзя. За дверью больше не разговаривали.

Я опустилась на колени. Кафель обжигал кожу через тонкую ткань джинсов. Запах мусора, сырости и дешевых духов соседки снизу ударил в нос. Я начала собирать вещи. Одно платье. Вторая туфля. Пудреница с треснутым зеркалом. Пудра высыпалась на подкладку пакета. Я потёрла большим пальцем трещину на зеркальце и заставила себя перестать собирать осколки: руки нужны целыми. Платье, туфли, косметичка. Забрать всё своё. Катя стояла за дверью и, наверное, ждала, когда я наконец уйду. Я собирала медленно. Торопить меня она больше не имела права.

В лифте пахло дезинфекцией и чужой жизнью. Напротив меня стоял Сергей Петрович, сосед сверху. Раньше он всегда здоровался, спрашивал, как дела у Глеба, и угощал конфетами. Теперь он смотрел в телефон. Экран светился синим. Крупное фото Марины Ковалевской в белом платье, с подписью: «Новая звезда после ухода сумасшедшей жены продюсера».

Сергей Петрович поднял глаза. Встретился со мной взглядом. Его лицо перекошило. Он быстро перекрестился, будто увидел не живого человека, а привидение или заразу. Лифт дребезнул, двери разъехались. Сергей Петрович не произнёс моего имени. Даже его привычное «Глеб-то как?» теперь показалось бы добротой. На первом этаже я чуть не оставила пакет у двери — вернулась, подхватила его обеими руками. Только бы он не увидел, как я ещё и вещи теряю.

Кофейня «Пятый угол» работала круглосуточно. Здесь пахло жженым сахаром и корицей. Тёплый воздух обдал моё замёрзшее лицо. У окна был свободный столик; я уже прикидывала, куда поставить пакет, чтобы не залить пол. Сесть бы туда, поддержать чашку между ладонями. Минут десять, пока никто не обратил на меня внимания.

Бариста, парень с пирсингом в брови, узнал меня. Или узнал мои глаза, красные и опухшие. Он отвел взгляд к экрану терминала.

— Извините, девушка. У нас политика заведения. Против токсичных клиентов.

— Я хочу купить кофе, — сказала я, поставив пакет у ног. Пришлось выговорить это медленно: парень уже отодвигался от стойки, и хотелось крикнуть ему вслед.

— Система блокирует карты партнеров холдинга «Сорокин Медиа». Вы в стоп-листе. Простите.

Менеджер у окна перевернул страницу журнала. Всё это время он мог поднять голову и сказать бариста: налейте ей кофе. Я смотрела на его руку, ждавшую у края следующей страницы. За спиной кто-то зашептался; я услышала фамилию Марины. Хотелось обернуться и объяснить про платье, про плечо, про выключенный микрофон. Слишком много слов для людей, которые уже прочитали заголовок.

— Возьмите мой кофе, — услышала я низкий голос.

Студент за соседним столиком протянул мне стаканчик. Его рука дрожала, но глаза были честными. Он старался не смотреть на мой мокрый пакет. От этого захотелось грубо отказаться: себе оставь. Я проглотила слова. Парень не снимал меня на телефон, не требовал объяснений. Стакан был горячим. Мне были нужны его тепло и этот глоток, как бы стыдно ни было протянуть руку.

Я взяла стакан. Обожгла пальцы. Прошла мимо бариста, не сказав ни слова. Ноги гудели от холода. Мне нужно было место. Любое. Хоть угол.

Глава 3

У хостела на окраине города мигала неоновая вывеска. Я дождалась, пока загорятся все буквы, проверила название и толкнула дверь. За ней хотелось найти койку; разглядывать облупленные стены я бы не стала. Администратор, женщина с тяжелыми веками, сканировала мой паспорт. Красный сигнал. Бип. Бип. Бип.

— Нет данных, — буркнула она. — Система брони блокирует вас по запросу юридической службы. Вы не можете заселиться.

— Но я могу заплатить наличными, — взмолилась я. — Мне нужна одна ночь. Одна.

— Правило есть правило, девочка. Уходи, пока охрана не пришла.

Я вышла на улицу. Минус пятнадцать. Под ветром обожжённые кофе пальцы снова занемели; я спрятала их в рукава и повернула лицо к стене. Я села на скамейку у входа, закутавшись в тонкую куртку. Зубы стучали так сильно, что челюсть болела. В темноте двора кружили две машины без номеров. Фары не горели. Я следила за ними из-под воротника: когда одна проезжала мимо, другая оставалась у выезда. Можно было встать и проверить, поедут ли следом, но я боялась получить этот ответ. Они ждали. Наблюдали. Глеб не хотел, чтобы я исчезла бесследно. Он хотел, чтобы я умерла красиво, в грязи, подтверждая его версию о «деградации».

Оставался один путь. Денис. Звукорежиссер, который работал со мной десять лет. Он слышал меня сквозь студийное стекло, когда после потери ребёнка я не могла допеть строку. Тогда не торопил: выключал запись, давал перевести дыхание. Я упрямо вспоминала это, пока добиралась до его дома. Он жил в старом фонде рядом с парком Горького.

Подъезд был темным. Лампочка мигала, создавая эффект стробоскопа. Я позвонила в дверь. Долго. Потом еще раз.

Щелчок. Цепочка. Денис выглянул. Его лицо было серым, глаза красными. Он не открыл дверь полностью. Только приоткрыл щель.

— Алин... — начал он, и слезы потекли по его щекам. Настоящие, крупные капли. — Ты не можешь тут быть.

— Денис,пусти меня. Хотя бы в коридор. Там тепло.

— Глеб купил контракт студии, — прошептал он, и в его голосе была настоящая паника. — Если он узнает, что я говорил с тобой... они закроют меня. Разорят. У меня жена беременна, Алин! Он сказал, если ты здесь, он пришлет людей. Физически. Понимаешь?

— Денис...

— Уходи! — закричал он, и звук ударил по ушам. — Ты убьешь нас всех! Твой голос уже ничего не стоит! Уходи!

Дверь захлопнулась. Замок повернулся три раза.

Я осталась перед дверью Дениса. Десять лет он слышал меня через студийное стекло и отличал плохой дубль от плохого дня. Сейчас ему понадобилось повторить слова Глеба: мой голос ничего не стоит. Будто без них я не ушла бы.

Я подняла пакет. Не звонить ещё раз. Не обещать, что посижу тихо в коридоре. Они с женой будут прислушиваться к каждому шороху, а я — стыдиться каждого вздоха. Лучше искать место, где мне не придётся за это извиняться.

Я вышла в парк. Скамейка под голыми деревьями была покрыта инеем. Я села, обхватив колени руками. Тело тряслось в мелкой дрожи, переходящей в озноб. Голова кружилась. Темнота подходила ближе.

По льду захрустели шаги. Я подняла голову: ко мне шёл мужчина, и я подтянула пакет ближе к ногам. Он не ускорился, заметив, что я смотрю.

Мужчина в чёрном кашемировом пальто остановился напротив. Высокий; чтобы увидеть его лицо под капюшоном, пришлось запрокинуть голову. Он разглядывал меня, и я перестала

прятать подбородок в воротник. Хотелось хотя бы встретить его стоя, но сил подняться уже не было.

Он достал сигарету, щёлкнул зажигалкой. В свете пламени я узнала скулы — Виктор Дорн. Ночью он звонил мне, а теперь стоял у моей скамейки. Я ждала, что он объяснит, как нашёл меня, но он прикуривал. Владелец медиа-холдинга, контролировавшего эфир Москвы, мог позволить себе эту паузу. Я оставалась сидеть.

Он сел рядом. От него пахло табаком, морозом и дорогим парфюмом.

— Ты выглядишь как человек, который вот-вот умрет от стыда или холода, — сказал он тихо. Его голос был бархатным и жестким. — Мне нужно, чтобы ты была жива. И зла. Это редкое сочетание.

Я посмотрела на него, стараясь удержать взгляд. Если попросит подняться, придётся признаться, что ноги почти не держат. Если предложит постель в обмен на крышу, я даже не смогу красиво уйти. А от жалости онемевшее лицо могло дрогнуть, и я боялась заплакать перед ним.

Вместо этого он положил на скамейку между нами маленькую флешку. Металлическую, холодную.

— Глеб считает, что он уничтожил тебя, — продолжил Виктор, выпуская кольцо дыма. — Но он забыл одну вещь. У него есть сервер. Архив. Все черновики, все договоры, все платежи. То, что он списывает на «расходы лейбла». То, что он украл у тебя.

Я посмотрела на флешку. Потом на свои обмороженные пальцы, посиневшие от холода.

— Зачем тебе это? — спросила я хрипло.

— Потому что Сорокин слишком громкий. А я люблю тишину. И порядок. — Виктор повернулся ко мне. Я ждала, что он хотя бы спросит, где я буду спать. Виктор говорил про ресурс, и я поняла: этот вопрос мне придётся задать самой. — Это не помощь, Алина. Это сделка. Ты даешь мне оружие, которое я сам не смогу достать. Я даю тебе защиту и ресурс.

Я стиснула флешку. До этой минуты мне негде было даже согреться, а теперь от меня требовали оружие против Глеба. Я могла знать то, чего не знал сам Дорн. Впервые за день у меня было не только то, что можно отобрать, но и то, за что он предлагал платить. Оставалось выяснить цену.

— Открой архив на любом ноутбуке, — сказал Виктор, вставая. — И завтра весь мир узнает, кто такой Глеб Сорокин. Но помни: после этого назад дороги не будет. Ты станешь не жертвой. Ты станешь врагом. И враги умирают первыми.

Он развернулся и пошёл прочь. Я следила за чёрным пальто, пока не перестала различать его между деревьями. Крикнуть вслед «а где я буду спать?» так и не решилась.

Край металлической флешки упирался в ладонь. Я сжала её крепче, почти не чувствуя пальцев: выроню сейчас, и в темноте уже не найду.

Я посмотрела на свои руки. Кожа была синей. Пальцы почти не чувствовались. Я спрятала флешку поглубже. Глеб считал, что за пределами его квартиры у меня не останется ничего. А я сидела на скамейке с его архивом в руке. Ещё без ноутбука, без ночлега — но он об этом не знал.

Я впервые за сутки улыбнулась. Верхняя губа плохо слушалась от холода; улыбка вышла кривой. Глебу бы она не понравилась.

Глава 4

К вечеру мороз сменился ледяным дождём. Тяжёлые капли били по плечам, проникали под тонкую ткань пальто, которое я вытащила из пакета Кати и надела поверх куртки. Из парка я шла мелкими шагами: на длинном шаге колено подгибалось, и приходилось ловить равновесие пакетом. В карманах лежали телефон и флешка Виктора. Паспорт и ключи остались в сумке; толку от них было мало — карты заблокированы, в квартиру возвращаться нельзя. За её дверью остался мой муж. Или уже бывший? Слово «бывший» резало горло так же сильно, как холодный ветер, пробравшийся сквозь мокрые волосы.

Лена жила в пятистах метрах от нашей квартиры. Старая панелька на окраине района, где мы когда-то гуляли с детьми соседок и делились бутербродами. Лена видела, как Глеб унижал меня при гостях: требовал новую песню, пока я ещё пыталась допеть старую, а потом швырял мне в лицо чек за «обслуживание». Перед ней не пришлось бы объяснять всё с начала. Катя отказала, Денис отказал; я перебирала оставшиеся имена и всякий раз возвращалась к Лениному. У неё можно попросить одну ночь.

Я стучала в дверь кулаком, пока не онемели костяшки. Снизу прибавили музыку. Ещё минуту назад различала слова припева, теперь сквозь дверь доносился только бас. Я ударила снова, перекрикивая его. — Лена! Открой! Пожалуйста, Лена! Дверь щелкнула замком, но открылась лишь на несколько сантиметров. Цепочка звенела в тишине подъезда. Лена прижалась щекой к косяку. В щели я видела только половину её лица; вторая скрывалась за дверью. Она косилась в глубину квартиры, и мне захотелось понизить голос: вдруг разбуду детей. Ещё секунду назад я била кулаком в дверь, а теперь снова старалась никому не мешать. — Алина... — её голос сорвался на шёпот. — Уйди. — Что? — Я придвинулась к щели: наверное, не слышала. — Лена, у меня почти нет наличных, Глеб заблокировал карты. Мне нужно просто переночевать. Одна ночь. Лена прикусила губу. Пальцы на косяке дрожали, и я потянулась к ним, но между нами остался край двери. — Он звонил час назад, — прошептала она, и от этих слов меня замутило. — Не угрожал. Просто сказал, что знает, в какой садик ходят мои дети. И что если ты появишься здесь, он найдёт повод проверить их документы. У моего мужа проблемы с визой... Алина, пожалуйста. Уходи. — Но мы же друзья! — На последнем слове я поперхнулась. Пришлось сглотнуть, пока Лена смотрела в пол. Двенадцать лет я знала, где у неё стоят чашки. Могла сама налить чай, пока она укладывала детей. Теперь Лена держала дверь на цепочке, а я считала сантиметры между нами и пыталась понять, пролезет ли хотя бы мой пакет. — Прости, — дверь закрылась перед моим носом. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.